

ЯЗЫКОВОЙ КОД КАК ФАКТОР КОГНИТИВНОЙ БАЗЫ КИТАЙСКОГО УЧАЩЕГОСЯ

Научная статья

Акимова И.И.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-6198-0143;

¹ Санкт-Петербургский университет МВД, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kazyulkinamama[at]mail.ru)

Аннотация

Язык рассматривается как когнитивная программа, определяющая склад мышления нации и особенности структуры языковой личности. Восточная и западная модели мира относятся друг к другу как континуальная и дуальная; есть основания говорить о «концентрическом» мышлении китайцев и о «линейном» мышлении европейцев. Особенность языкового кода китайцев затрудняет понимание русского языкового кода, в частности – механизма метафоризации. Обратная зависимость проявляется в том, что китайский языковой знак воспринимается носителями европейских языков «плоско», вне его связи с концептуальным (историко-символическим) содержанием. Понимание особенностей китайской письменности и китайского сознания важно для оптимизации обучения и межкультурной коммуникации на всех уровнях.

Ключевые слова: языковое китайское сознание, лингвокультурология, социолингвистика, иконический языковой код.

LANGUAGE CODE AS A FACTOR IN THE COGNITIVE BASE OF A CHINESE STUDENT

Research article

Akimova I.I.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-6198-0143;

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (kazyulkinamama[at]mail.ru)

Abstract

Language is seen as a cognitive program that defines the mindset of a nation and structure specifics of a linguistic identity. The Eastern and Western world models relate to each other as a continual and a dual one; there is reason to talk about «concentric» thinking of the Chinese and «linear» thinking of the Europeans. The peculiarity of the Chinese language code makes it difficult to comprehend the Russian language code, in particular the mechanism of metaphorization. The inverse correlation is manifested in the fact that the Chinese language sign is perceived by native speakers of European languages as «flat» without its connection with conceptual (historical-symbolic) content. Understanding Chinese writing and mindset is important for optimization of learning and intercultural communication at all levels.

Keywords: Chinese linguistic consciousness, linguoculture, sociolinguistics, iconic language code.

Введение

Сегодня общепризнанно, что процессы субъективизации восприятия, вызываемые особенностями среды обитания, культурно-национального развития этноса накладывают неизбежный отпечаток на картину мира [4, С. 34–38]. Однако в число интерферирующих факторов такого рода (в терминах «когнитивное пространство» и «когнитивная база») до сих пор попадали, к сожалению, одни лишь ментефакты, которыми, по нашему глубокому убеждению, далеко не исчерпываются национально-этнические особенности языковой картины мира. Этноуникален сам строй мысли. При знакомстве с восточной культурной парадигмой становится очевидно, что двузначная аристотелевская логика «оказывается составной частью нашего языка», так как «кодифицирует и классифицирует наше языковое поведение» [7, С. 361].

К изучению особенностей когниции представителей разных этносов как «программы, определяющей бессознательное моделирование (человеком) окружающего мира, как «склада мышления нации» [5, С. 77, 325] лингвокультурология и социолингвистика [8] подошли сравнительно недавно. Наша педагогическая практика и другой опыт взаимодействия с китайцами также свидетельствуют об отсутствии у них логики в европейском понимании. Подтверждение этому интуитивному представлению мы нашли в [2]. Автор отмечает, что европейское сознание – сознание путешественников, открывателей новых земель – линейно, направлено вширь, тогда как мышление китайцев центростремительно: понятия в китайской логике определяются многопланово, путем выделения центрального понятия и подстановки к нему ряда сопоставлений, а умозаключения строятся по континуальной, комплексной модели (в отличие от европейской логики, где они выводятся на основе исходных посылок, то есть линейно). Это дает основания говорить о «концентрическом» мышлении китайцев и о «линейном» мышлении европейцев.

Основные результаты

Разговор о «типе мышления» китайских учащихся чрезвычайно сложен во многом еще и потому, что «среди всех высокоразвитых культур китайская больше всего отличается от нашей в самом образе мышления» (см. [10, С. 41]). И думается, что начать этот разговор имеет смысл с обсуждения ограниченного круга вопросов, таких как: а) характер письменных знаков, б) принципы языковой структуры как «ипостаси» национально-культурного сознания, в) отражающие сущностные различия описываемых объектов различия метаязыков описания (лингвистической терминологии).

1. Иероглифическим характером письменности объясняется нелинейный способ мышления китайцев. Как известно, целостность, непроявленность мира в любом языке оказывается расчлененной на поименованные фрагменты. Тем не менее для китайского этнотипа характерно конкретно-метафорическое мышление, а для европейского – абстрактно-логическое [1], [2], [3]. Как известно, китайцы мыслят «смыслонесущими фрагментами ситуации» – иконическими знаками (иероглифами), в самой графической форме которых заключены некоторые классификационные (имеем в виду так называемые «ключи») и другие характеристики объектов внеязыковой действительности. Таким образом, благодаря идиоматической письменности, «китайский обладает замечательным преимуществом: с его помощью можно сказать много всего одновременно, не искажая ни одного смысла – вот почему существует как минимум семьдесят переводов Лао Цзы» [10, С. 41].

В соответствии с принципом дополнительности, сформулированным Н. Бором в физике, становится очевидной комплиментарность языковых техник кодирования – аналитически-изолирующей для китайского языка и, наоборот, синтезирующей – для языков «среднеевропейского стандарта». Л. В. Витгенштейн сказал о европейских языках следующее: «Словесные описания можно уподобить топографической сетке, которую накладывают на землю и небо, чтобы определить положение гор и озер, звезд и планет. Реальные же земля и небо не расчленены такой сеткой. Законы, подобные закону причины и следствия, определяют свойства сети, а не того, что сеть описывает». В западной философии и науке игра состоит в том, чтобы поймать вселенную в сеть слов и чисел...» [10, С. 78]. В китайской философии Инь и Ян «не дуализм, а двойственность, подразумевающее некое единство. Эти два начала влюблены друг в друга» [10, С. 55]. «Дао – то, что существовало до появления разделения на порядок и беспорядок, то есть до идентификации и классификации всех аспектов мира» [10, С. 80].

Примечание. Приведем еще несколько цитат из книги американского китаеведа Алана Уотса, иллюстрирующих различия в культурных мыслительных кодах (как таковые представляются нам), представленных в алфавитных (европейских) языках и в иероглифическом китайском языке. «Алфавитная письменность является представлением звуков, тогда как иероглифическая письменность – представлением образов. Иероглифический язык намного ближе к природе. Иероглифы... являются знаками для обозначения вещей, а не символами для обозначения звуков, являющихся названиями вещей. Что касается названий, то они не имеют ничего общего с предметом» [10, С. 45]. «Символы (иконические знаки) могут передавать сложные отношения (конфигурации) – гештальты – намного быстрее, чем длинные одномерные алфавитные предложения. Графический символ говорит больше, а места требует меньше, чем слово на алфавитном языке, который к тому же требует умения читать... Естественная вселенная не является линейной системой. В каждое мгновение природа есть совокупность одновременно существующих структур, тогда как иероглифический знак – последовательность структур. Он тоже линеен, но не в такой степени, как алфавитный» [10, С. 37].

2. Языковое китайское сознание более эгоцентрично, оно стремится вглубь, трансформируясь в самопознание (сравним архаичные представления китайцев-земледельцев о «Поднебесной» как о центре мироздания). При этом оно отличается от плоскостного европейского своим символизмом и многомерностью в том смысле, что образ запечатлевается в знаке, в самой его графической форме, которая служит основанием для сближений понятий. Перенос признаков как механизм метафоризации уже осуществлен в иероглифике ещё до говорящего. В основании метафоры лежит графический знак. Проиллюстрируем сказанное, сославшись на данные, представленные в [9, С. 33], она пишет, что в современном упрощенном письме (напомним, что в китайском языкознании приняты названия для диалектных, книжных и разговорных стилистических вариантов языка, а также для стилей иероглифики. Современная китайская письменность называется 光阴 guāngyīn ГУАНЬИН) в начертании иероглифа «время» верхняя составляющая фонетика опускается, в результате чего остается тот же знак 寸 cùn. Таким образом оказывается возможным интерпретировать иероглиф как идеограмму: время – мера света и тени. Из популярной пословицы 一寸光阴一寸金, 寸金难买寸光阴, cùn jīn nán mǎi cùn guāng yīn (一寸光阴一寸金, 寸金难买寸光阴), что переводится как «Один цунь света и тени равняется одному цуню золота, но на цунь золота трудно купить цунь света и тени» (возможен перевод: *Время деньги дает, а на деньги времени не купишь*), видно, что «... в языковой картине мира китайцев время 光阴 guāngyīn «сравнивается с золотом на том основании, что два понятия обладают общим графико-семантическим элементом cùn 寸 cùn цунь (мера длины, равная 3,33 см).

Руководствуясь принципом дополнительности, позволим себе привлекать в научный дискурс стилистически «чужеродные» (художественные) фрагменты, «взрывающие» обыденность сознания и преодолевающие ограничения, накладываемые дискретным знаковым кодом. «Континуальность сознания не редуцируется к дискретности языка», а «сознание каждого человека включает в себя семантическую вселенность во всей ее безграничности» [7, С. 25].

Каким же образом для носителя европейского языка возможно преодоление западной дуальной модели мира и выход за рамки плоскостного дуалистического сознания? Дискретность языкового знака снимается за счет антиномичности речевого функционирования и символизации его значения, первым шагом на пути к которой является метафоризация: «Под поверхностью каждого слова шевелится бездонная тьма» (Николай Заболоцкий, «На полях черновика»). Метафоры культуры, памяти и сознания – круги на воде: «Вынырнув из холодной глубины черного озера, я пытался продолжить свой нехитрый рассказ, но мучительно сводило губы и глаза заволакивались слезой, стекленея, точно перед апоплексическим ударом. Я не мог продолжать. С моих волос падали ледяные капли, и смысл, расходящийся от них стремительными кругами, не умел возвращаться... Мысль вечно такова: сама утонет, а круги оставит. Они расходятся, расходятся, а нам, простым смертным, что под Мыслью ходим, по ним-то и ходить. Как воду наливают в пруд, в пруд падают мысли, по воде бегут круги, а мы в них маемся. Ох, маета, маета. Бесконечная. Сплошной круг» [11].

3. Особенность китайского языкового сознания – мыслить иконическими знаками – иероглифами (образами-картинками) – связана с их символическим функционированием. Данную особенность китайского сознания иллюстрирует перевод топонима, который сделал китайский преподаватель русского языка: «Весна. Цветы. Луна. Любовь». С луной связан целый комплекс мифов, популярных в Китае, о чем см. [6, С. 92–98]. А. А. Маслов пишет,

что «благодаря своей символической связи с оккультной практикой» луна в китайской поэтической традиции стала символом «мистических трансформаций и бессмертия», а также невозможности достичь его. Любование луной, особенно за чашей вина – это состояние, когда «наслаждение беседой с другом приносит больше радости, чем стремление раскрыть тайну лунного напитка, дарующего бессмертие». Европоцентричная попытка автора представить название местечка в виде грамматически-осмысленной конструкции «Любование цветами весной при свете луны» китайцем была категорически отвергнута. Носитель КЯ мотивировал свое несогласие тем, что значение слова сильно обедняет смысл образа, запечатленного в иероглифике. Из этого можно заключить, что образ-понятие в китайском сознании емче и значимее, он как бы пропущен через более крупную сетку фильтра и «живет» в сознании носителя языка не просто как звуковой комплекс, а вместе со своим звуковым и графическим образом, заключающим в себе все ассоциативные возможности для дальнейшего осмысления. Эта особенность языкового сознания китайцев затрудняет понимание механизма метафорического переноса и связанной с этим художественной образности русской речи.

Обсуждение

Китайский тип мышления можно назвать синтезирующим типом, в отличие от дуально-аналитического европейского типа мышления. Графическая форма иероглифа (начертание) представляет собой иконический знак, передает содержательную часть информации в самой своем графическом образе. Это означает, что можно понимать иероглифическую письменность, не владея фонетической стороной знака (звучанием). Заметим, что в японском языке наряду со слоговой письменностью используются кандзи – иероглифы китайского происхождения. При сохранении значения кандзи имеют иное звучание, чем в китайском языке, но значение символа японцам понятно. Эта «сакральная» особенность китайского языка объясняет страсть китайцев (и не только) к каллиграфии. За ясную мотивировку значения особенно любимы иероглифы древнего китайского языка вэньянь (文言 wényán). К примеру, в иероглифе «любовь» 愛 ài есть графический компонент «сердце», а в иероглифе «безопасность, покой» (安 ānquán) – компонент «небо», финалия в слове (сочетании иероглифов), означающем «изобилие» (豐富 fēngfù) созвучна счастью.

Особенности иконического кода прослеживаются в принципиально иных путях достижения выразительности, способах создания художественной образности. Образ не создается говорящим при помощи индивидуальной метафоры, он живет в иероглифической письменности как коллективный образ-символ. Вероятно, с этим связано и то, что ценится не столько индивидуально-авторская метафора, сколько коллективно-языковая символизация, а ведущим принципом китайской культурной традиции является копирование канона, хранящего дух мастера-первосоздателя. Приведем примеры символического функционирования знака, основанные на смежности обозначаемых понятий, прежде всего в литературных источниках: «персик» 桃树 táoshù Тхаошу – связан с концептом «долголетие» 长寿 chángshòu ЧХАНШОУ, «пион» 牡丹 mǔdān МЮДАНЬ символизирует «достоинство» – 体面 tǐmiàn ТИМИАНЬ. Такого рода примеры можно продолжить. Семантическое сближение слов в коллективной практике употребления китайского языка происходит на основе созвучия слов для ключевых понятий китайской культуры: символическим знаком «счастья» 幸福 xìngfú СИНГФУ выступает летучая мышь 蝙蝠 biānfú БИАНЬФУ, а «двойное счастье» символически выражает знак (иероглиф традиционной письменности) «близнецы» и само изображение двух детей, обычно девочки и мальчика, часто с рыбой или персиком как пожеланием благополучия, аналогичную функцию выполняет изображение двух рыбок, плывущих в противоположных направлениях.

Заключение

Иконическая (иероглифическая) письменность накладывает отпечаток на особенности национальной лингвометодической традиции, образовательных стратегий и тактик, тем самым оказывая влияние на стратегии и тактики обучения, обучения европейским (алфавитным) языкам. Так, если для носителей звукобуквенных языков первичным является умение говорить и понимать на слух (аудировать), то при обучении китайскому языку ведущим видом речевой деятельности (ВРД) является письмо. В написании традиционно вычленяют так называемые «ключи», без знания которых невозможно пользоваться китайским двуязычным словарем. В звучании иероглифа принято выделять инициалию и финалию.

Специфика родного языка китайского учащегося такова, что можно смело говорить о двух различных формах реализации языка: устной форме в виде звучащей речи и письменной форме в виде текстов, записанных иероглификой. Интересно, что детские книжки написаны иероглификой и одновременно имеют подстрочник на латинице (транскрипцию).

Главенствующая роль письменного языка в условиях множества диалектов обеспечивает единство полиэтнической китайской нации, поэтому умение понимать иероглифику для китайца является основным. И уже на умении понимать и писать иероглифику формируется умение говорить и читать в нашем, европейском смысле.

Рассмотренный типологический фактор интерференции является не единственным; есть и другие, тесно связанные со структурой языковой личности носителя китайского языка – аналитического типа, характеризующегося формообразованием (ввиду отсутствия в нем словоизменения, как в славянских языках).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бобрышева И.Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся в условиях русской языковой среды (начальный этап): дисс... канд. пед. наук. / И.Е. Бобрышева – М., 1996. – 161 с.
2. Бобрышева И.Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая) / И.Е. Бобрышева – М.: Компания «Спутник+», 2001. – 112. – 59 с.
3. Бобрышева И.Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному: научное издание / И.Е. Бобрышева. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
4. Маслов А.А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала / А.А. Маслов – М.: Алетея, 2005. – 376 с.
5. Налимов В.В. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного / В.В. Налимов, Ж.А. Дрогаллина – М.: Мир Идей, АО АКРОН, 1995. – 432 с.
6. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого сознания и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров – М., 1997. – 224 с.
7. Аошуан Т. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Т. Аошуан – Московский гос. ун-т; Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 896 с.
8. Уотс А. Дао. Путь воды / А. Уотс – Киев, 1996. – 290 с.
9. Шведовский Ф. Ученическая тетрадь / Ф. Шведовский // Юность. – 1999. – № 6.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bobrysheva I.E. Uchet nacional'nyh lingvometodicheskikh tradicij v obuchenii russkomu jazyku kak inostrannomu kitajskih uchashhihsja v uslovijah russkoj jazykovoj sredy (nachal'nyj jetap) [Accounting for national linguistic and methodological traditions in teaching Russian as a foreign language to Chinese students in the Russian language environment (initial stage)]: diss... of Candidate of Pedagogical Sciences / I.E. Bobrysheva – M., 1996. – 161 p. [in Russian]
2. Bobrysheva I.E. Uchet nacional'nyh lingvometodicheskikh tradicij v obuchenii russkomu jazyku inostrancev (na primere Kitaja) [Accounting for national linguistic and methodological traditions in teaching the Russian language to foreigners (on the example of China)] / I.E. Bobrysheva – M.: Kompanija «Sputnik+», 2001. – 112. – 59 p. [in Russian]
3. Bobrysheva I.E. Kul'turno-tipologicheskie stili uchebno-poznavatel'noj dejatel'nosti inostrannyh uchashhihsja v metodike obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu: nauchnoe izdanie [Cultural and typological styles of educational and cognitive activity of foreign students in the methodology of teaching Russian as a foreign language: scientific publication] / I.E. Bobrysheva. – M.: Flinta: Nauka, 2004. – 256 p. [in Russian]
4. Maslov A.A. Kitaj: kolokol'ca v pyli. Stranstvija maga i intellektuala [China: bells in the dust. The wanderings of the magician and the intellectual] / A.A. Maslov – M.: Aletejja, 2005. – 376 p. [in Russian]
5. Nalimov V.V. Real'nost' nereal'nogo. Verojatnostnaja model' bessoznatel'nogo [The reality of the unreal. Probabilistic model of the unconscious] / V.V. Nalimov, Zh. A. Drogalina – M.: Mir Idej, AO AKRON, 1995. – 432 p. [in Russian]
6. Prohorov Ju.E. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo soznaniija i ih rol' v obuchenii russkomu jazyku inostrancev [National sociocultural stereotypes of speech consciousness and their role in teaching Russian to foreigners] / Ju.E. Prohorov – M., 1997. – 224 p. [in Russian]
7. Aoshuan T. Problemy skrytoj grammatiki: sintaksis, semantika i pragmatika jazyka izolirujushhego stroja (na primere kitajskogo jazyka) [Problems of hidden grammar: syntax, semantics and pragmatics of the language of the isolating system (on the example of the Chinese language)] / T. Aoshuan – Moscow State University, Institute of Countries of Asia and Africa – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – 896 p. [in Russian]
8. Uots A. Dao Put' vody [Dao. Way of Water] / A. Uots – Kiev, 1996. – 290 p. [in Russian]
9. Shvedovskij F. Uchenicheskaja tetrad' [Student's notebook] / F. Shvedovskij // Junost' [Youth]. – 1999. – № 6. [in Russian]